

The top half of the cover features a composite image. The upper portion shows a view of Earth from space, with a white contrail from a satellite or rocket streaking across the dark blue sky. The lower portion shows a city skyline at dusk or dawn, with several prominent skyscrapers silhouetted against a hazy, light-colored sky. The bottom half of the cover is a solid blue background with white text.

16+

Игорь Киселев

Темь

В поисках истины

Игорь Киселев

Темь. В поисках истины

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Киселев И.

Темь. В поисках истины / И. Киселев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

На Землю напоззает непонятная Темь, грозящая человечеству катастрофой. Люди становятся особенно жадны, агрессивны, конфликтны. Поисками причин появления Теми занялась сборная команда, в которую вошли славянские боги, домовые, лешие, маги, прочий любопытный народец и два простых парня из российской глубинки. Удастся ли им остановить надвигающуюся на весь мир, в особенности Россию, темную сеть злобы, жестокости и растерянности? Ведь такое уже было в истории Земли... Надежда есть, и она никогда не угаснет!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

...– Что, обули? – жизнерадостно спросил кто-то сверху.

Вопрос приплыл словно из тумана, и чтобы прояснить багровый полусумрак, Антон разлепил левый глаз. Правый почему-то остался протестно закрытым.

– Живой – уже хорошо, – с удовлетворением констатировал все тот же голос. – А то валяешься, как чурка на лесосеке. Я уж думал: отыгрался жмурик.

И над головой немзыкально забурчало: «Что тебе снится, что тебе снится...». Хозяин голоса явно был в некотором раздумье.

Попытавшись сфокусировать глаз на чем-то определенном, Антон закричал и попытался сесть. Тело было относительно послушным, но в голове немедленно забухал набат, а в затылок со злорадным визгом вонзился раскаленный бурав. Зато стало ясно, что он некомфортно расположился в холодной и слякотной яме, вокруг темно, и лишь бледные отблески фонарей освещают склонившуюся к нему темную фигуру, от которой далеко и добротню несло свежее употребленным пивом.

– Ладно, братан, – хриловатым баском молвила фигура. – В одном поезде ехали... И вижу – в яме. Ладно, тут тебе не отель с пятью звездами, и давай-ка я тебя выволоку. Только помогай мне: здоровый ты и несуразный какой-то... В натуре бегемот, прикинь, а?

После долгих усилий, сопряженных со стенами, криканием и народными пожеланиями по матушке, Антон обнаружил, что может стоять, хотя и покачиваясь. Правый глаз слегка образумился, решил приоткрыться и вернул ему стереоскопическое зрение.

– Видуха у тебя, – знающе сказал ему невысокий парень в старой кожаной куртке с множеством заклепок, в кожаной бейсболке и с ухмылистой худощавой физиономией. – Фонарь справа будет классный. С прибытием в славный город Санкт-Петербург, культурную столицу России!

– С-спасибо, – машинально выдавил Антон, озираясь вокруг.

– На здоровье, – вежливо ответил собеседник и медленно обошел вокруг сторбившейся на стылом ветру скорбной фигуры, придирчиво производя ей смотр, словно службист-прапорщик перед парадом.

А потом правой рукой принялся счищать с длинного пальто Антона снег и грязь, в то время как левая рука независимо от этого занятия подносила к его губам бутылку с пивом, после чего слышалось глубокое и здоровое бульканье.

– В общем, порядок, – критически подвел итог незнакомец. – Котелок цел, крови нет, и вообще – больше мокрый, чем грязный. Яма была качественная, бомжи истают от зависти. Кстати, советую: как прибарахлишься, пальто им подари. Они такие любят.

Отвечать на этот сомнительный комплимент у Антона не было сил. Они стояли возле отгороженной с одной стороны ямы, позади торговых палаток. Справа, как теперь понял Антон, высилось здание Московского вокзала. За палатками темным покрывалом стлалась площадь, на которой изредка маячили люди – судя по этому, следовало заключить, что была глухая ночь. Февральская, по-питерски слякотная, с промозглым ветром и секущей ледяной крошкой.

Огляделся и незнакомец, оценивая местность и ситуацию. Затем сунул Антону бутылку:

– Глотни-ка, легче будет. Только вот куда нам теперь? Чемодан твой уволокли, с ментами у меня антагонизм... Кстати, держи, – и он вытащил из-за пазухи завернутый в пергаментную бумагу пакет. – Это твои ксивы. Те, кто тебя по башке ошарашили, их в мусорную урну выбросили. Как обычно. Ну, а я подобрал. И даже в ту же бумажку завернул. Цени.

Пиво определенно помогло. Колокола в голове зазвучали умиротвореннее, а потом и вовсе стали засыпать. Зато под толстый ворс пальто начал проникать ветер. Хорошо при этом

было только затылку: сверлящий бурав превратился в ледяное шило, от которого затылок попросту онемел.

– Как это я? – недоуменно просипел Антон. – А ты – если видел, почему не помог?

– Еще чего, – сварливо отозвался собеседник. – Я не идиот. Это, по всему, вокзальная братва, а я сам не местный. Зачем мешать чужому бизнесу? И по-моему, прикинь, тебя еще в поезде пасли. Тут расклад темный, а я в лохах не хожу, в натуре. Мог бы и за так тебя в этой гадючей яме оставить.

– Чего ж не оставил?

– Да так... – уклончиво пожал плечами незнакомец. – Имею я право гуманность проявить? Когда безопасно... Ты, кстати, не из деревни, а? Ладно, это потом. Вот что, братан, надо отогреться. Пойдем вон в тот крайний гадюшник, ударим по пиву и шаверме...

И, галантно взяв Антона под руку и прихватив лежавшую на земле большую, смахивающую на бурдюк сумку, напористо направился к огоньку самой дальней от вокзального входа закусочной. Антон решил, что ему терять уже нечего, и покорно поплелся за целеустремленной кожаной бейсболкой.

Закусочная, на фасаде которой просматривалась гордая вывеска «Кафе», была по-ночному пуста, если не считать двух продавщиц да восседавшего на корточках за приоткрытой занавеской типа с вызывающе восточной физиономией – традиционного специалиста по шаверме. Антонов спаситель неодобрительно покосился на него и грамотно выбрал столик, стоящий подальше от окон, выходящих на площадь. После чего снял бейсболку, обнаружив белобрысый стриженный затылок и ранние залысины, и посоветовал:

– Ты бы скинул свой тулуп. Глядишь, и подсохнет. А я жратву принесу.

Шаверма оказалась весьма кстати, и не важно было, какое именно городское животное пало ее жертвой. Антон почувствовал, что возвращается к лучшим сторонам жизни. Это благодостное чувство слегка портило лишь пальто, издававшее по мере сушки все более явственный запах псины.

– Качественная вонь, – прокомментировал сей факт лысоватый любитель пива, вновь окруживший себя бутылками. – Чувствую – отечественная. Уважаю. Я, между прочим, Леха. Ну, а ты – Антон, я в твои ксивы заглянул.

Знакомство состоялось. Антон после второй бутылки «Невского» совсем отогрелся и поведал печальную историю своего падения в гостеприимную яму, которой его встретил слававшийся своей приветливостью город Питер.

...Вначале не было ничего странного. Час ожидания на станции небольшого городка – и железная дорога встретила его обычным сервисом раздолбанного плацкартного вагона с хлопьяющими дверьми и специфическим туалетным запахом. Транзитный поезд, следовавший из стылых глубин России, равнодушно принял очередного скитальца в свои недра и завихлял по волнам рельс дальше, в надвигающийся зимний вечер.

Публика в вагоне тоже была обычной. На верхних полках торчали разнообразные пятки с вызывающими запахами, на нижних профессионально судачили о погоде, инфляции и с увлечением ругали власть. Кое-где вдумчиво пили водку. На длинного, мрачного русоволосого парня лет двадцати в черном пальто со спортивной сумкой внимания не обратили. Мало ли по стране сегодня шляется неприкаянной молодежи?

Лишь низенький, тощий кавказец, сосед по нижней боковой полке, странно оживился. Едва Антон собрался было влезть наверх, на свое место и предаться раздумьям на сыром, кочковатом матрасе, как сосед, плотоядно сияя золотыми фиксами, предложил ему поужинать с вином («Со своего винограда, понимаешь») и долго рассказывал, как трудно вести торговлю в Питере.

Что-то уже тогда насторожило Антона. Наверное, странная настойчивость такого радужия. Да и глаза кавказец, назвавшийся Гогой, прятал, а когда пару раз Антон все же поймал

его взгляд, в желудке у него возникал странный холод. Нехорошие были эти глаза – с черной искрой, если черное может вспыхивать на черном. Кроме того, на клювообразный нос Гоги вызывающе уселась темная паукообразная родинка, жившая, казалось, своей собственной жизнью и нахально отвлекавшая слишком пристальное внимание любопытствующих граждан.

Все это Антону интуитивно не понравилось, да и настроение было скверным, поэтому поползновения кавказца к задушевной беседе он отверг. Хотя, к сожалению, и не сразу. Тому все-таки удалось вывести имя Антона и название городка, из которого он отправился в путь, заставить ополовинить стакан кислящего вина, после чего, наконец, Гога милостиво отпустил соседа на его кочковатое лежбище. Полка была боковая, в купе напротив расположились две мирные семейные пары, и можно было, наконец, спокойно вздремнуть.

Правда, в купе неподалеку оживление нарастало, и кто-то нарочито громко трепался насчет «Да чтобы я когда у чурки яблоко на рынке купил? Западло!», явно имея целью достать притихшего обладателя золотых фикс. Тут Антон вспомнил злорадную физиономию, несколько раз высывавшуюся из веселого купе и значительно озирающую паукообразную родинку. Хозяин физиономии был полуголым, а его отнюдь не шварценегтеровские длани и торс украшали живописные татуировки – что, собственно, и запомнилось. Тем не менее, Антон вполне соотнес эту воинствующую личность с восседающим сейчас напротив Лехой. Правда, Лехина картинная галерея в настоящий момент была закрыта по причине неподходящего температурного режима.

Судя по всему, Лехе тогда разгуляться не дали, потому что веселье в купе вскоре затихло. Поезд прибывал в Питер около полуночи, и народ запасливо впал в дрему.

Дальше Антон мало что помнил. В памяти осталось, как вышел на перрон с непонятно почему тяжело гудящей головой. Как туго соображал, что надо куда-то позвонить. Похоже, что его, растерянно искавшего запропастившийся мобильник, заметили вокзальные жучки, радостно предложившие ему телефон, чтобы позвонить. Только вот зачем они повели его к этой яме, Антон не понял.

– Да пошмонать решили! – с удовольствием просветил его Леха. – А по башке съездили – чтобы не выражал протест из-за нарушения прав личности. Хотя лично я удивляюсь: эти хмыри обычно такого не позволяют, в твоём состоянии обнести тебя можно было спокойно и правильно, зачем себе еще грабеж клеить? Им лохов и без того хватает. Россия-мать, как-никак. Сегодня ты лох, завтра – я. А зачем вообще ты с ними пошел? Нет, ты мне все-таки скажи, в натуре, у вас в деревне интернет есть, чтобы там посмотреть, как лохов разводят?

Антон удивленно размышлял, сколько же пива влезает в эту разукрашенную личность и куда оно девается в таком тощем теле. В ехидство превращается, что ли? Но память спасенного из ямы была еще жива и требовала некоторой дипломатичности.

– Я не из деревни, – сердито просветил он собеседника. – Из города, хотя и небольшого. Жил с теткой. Она скончалась. Теперь еду в Питер. Определяться. А ты-то кто такой?

Леха многозначительно посмотрел по сторонам и таинственно снизил голос:

– Я – скинхед, – и неожиданно застеснялся. – Слышал о таких?

Похоже, стеснение было вызвано тем, что для скинхеда Леха выглядел несколько излишне пожилым. Антон краем уха слышал о буйствующих подростках, не уважающих пришельцев с природной смуглостью кожи, еще не так давно громивших при особых припадках неуважения иномарки и малевавших наивные лозунги на заборах. Еще они носили бритые головы и тяжелые ботинки, но этой амуниции у Лехи не было. Он походил скорее на скинхеда в отставке, мирно вспоминающего бурную и небезупречную юность, оставившую в наследство относительной зрелости неизбежную приязнь к пиву. Такая версия по крайней мере объясняла его картинную галерею. Та новость, что он, оказывается, еще учился в институте культуры, делала эту личность совсем загадочной.

– А вообще я родом из Архангельской области, – тоном завязтого мемуариста продолжал Леха, прикончив третью бутылку, упиваясь собственной значимостью и закатывая глаза, словно тетерев на токовище, – и до моего города надо лететь на вертолете, потому как летом иначе не добраться. Это круто, прикинь, это тебе не Сан-Франциско, и не говори, что не слышал...

– А там зоны, случайно, рядом с вашей деревней нет? – невинно прервал его самозабвенное токование Антон. – Фраера, паханы, в натуре, понимаешь...

Леха медленно и злобно стал краснеть. Казалось, в нем начинает булькать рожденный из хмеля напиток, продолжая прерванный процесс варки.

– На хрена я тебя из ямы вытаскивал? – свирепо спросил он. – Ну, есть там условно освобожденные, зато деревни нет, а город. Хоть и небольшой...

Оба приятеля уставились друг на друга, а затем сонную забегаловку потряс здоровый хохот...

– Попал, попал, признаюсь, – отдышавшись, смиренно покаялся Леха. – Не столичные мы... Зато они, из столиц которые, все лохи и козлы. Или почти все...

Завершить тираду по поводу сомнительных свойств столичных жителей ему не позволила картинка, появившаяся в дверном проеме забегаловки. Она представляла собой двух блюстителей порядка при полном параде: в серо-мышинном полицейском камуфляже, с рациями, ремнями и «демократизаторами», то бишь дубинками. Уцепистые глазки блюстителей явно свидетельствовали об их немалом житейском и служебном опыте.

– Приплыли, – молвил расстроенный Леха. – Полицаи. Ну запаadlo, посидеть не дадут мирно. Еще и обшмонают...

Двое – капитан и сержант – вразвалку, по-хозяйски, подошли к посмурневшей парочке.

– Сидим? – многозначительно спросил капитан. – Документы.

При этом он обратился исключительно к Лехе, проигнорировав помятый образ Антона. Очевидно, даже со спрятанной картинной галереей Леха вызывал у власти исключительно нездоровый интерес.

– А че, командир? – скис Леха, – Сидим тихо, беседуем мирно... Приехамши только. И паспорта имеем... Билеты даже есть.

Антон развернул сбереженный отставным скинхедом пергаментный пакет и удивился: все документы налицо, хотя и отсырели. А вот записной книжки нет. Что-то там должно было быть важное? Денег нет тоже – это понятно. Но книжка? Он мучительно пытался разогнать туман в памяти, но бесполезно. Болотный это был какой-то туман, с привкусом тины...

Тем временем глазки капитана вонзились, наконец, в заплывавший правый край Антонова облика.

– Это кто приложил? – со знанием дела спросил блюститель.

– Да, блин, пострадал человек ни за что, – заторопился Леха. – Местные кидалы его ошарашили, у той ямы ремонтной. А я вот подобрал...

– Кидалы? – глазки капитана со странным выражением перекатились на Леху. – Ошарашили? На вверенной нам территории нет никаких кидал. У нас тихо и спокойно. А вот с вами, граждане, разберемся...

– Да никто его не шарашил! – подпрыгнул, поняв ошибку, Леха. – Это он неудачно с поезда сошел! Платформа низкая...

– Вам и платформы наши не нравятся? – глазки блюстителя стали бесцветными. И он добавил, наконец, сакраментальное: – Пройдемте.

– Вставайте, граждане, вставайте, – решил проявить активность сержант, узрев обозначенную начальником цель. – Там разберемся...

Леха безнадежно махнул рукой и, печально обласкав взором недопитую бутылку пива, стал одеваться. Как видно, по опыту он знал непреклонность нелюбимой полиции в иных ситуациях.

Для Антона в «ментовке» все было внове: и неприметная металлическая дверь, и обшарпанное помещение с затхлым служивым запахом, в которое их привели. Новым было и состояние допрашиваемого, вынужденного отвечать на самые дурацкие, по его мнению, вопросы: «Зачем приехал в Петербург? Родственники? Знакомые? Где планируешь остановиться?». Дурацкие потому, что он сам не знал ответы. Ну, умерла тетка, да и та – неродная. Других близких нет. Завещала ему, в случае чего, ехать в Питер, к родственнику...

Тут-то Антон вспомнил о записной книжке: телефон этого родственника был в ней! А других координат тетка не оставила. На него словно обрушился ледяной душ: вот так влип: в Питере – без денег, без знакомых...

Очень внимательно слушавший эту часть печального повествования Леха поскуучнел и отвел глаза в сторону. Сочувствия на его физиономии явно не читалось, и огорчен он был чем-то другим. Впрочем, это быстро выяснилось, когда капитан, равнодушно выслушав Антона, повернулся к бывшему скинхеду.

– Кажется, мы встречались, – с проблеском интереса спросил он в пространство.

Лехе этот энтузиазм не понравился.

– Не могли мы встречаться, – строптиво боднул он головой воздух. – Тут у вас я не был.

– А в других местах – был, – проницательно констатировал страж порядка. – А с ним-то как вдвоем очутились? – адресовался он Антону.

Здесь и выяснилось, что интерес к своему поездному соседу Леха имел своекорыстный. А именно с его помощью рассчитывал на ночевку в Питере, поскольку, как путано объяснил отставной скинхед, у него были непредвиденные сложности с общежитием, оставшиеся в наследство от прошлой, отлично сданной, между прочим, сессии.

– Пьянки? Бабы? – профессионально уточнил капитан, а ухо у сержанта с любопытством высунулось из-под кепи.

Леха замялся, а потом покаянно сообщил:

– И еще набил морду черным. Они в общагу к нашим девкам сунулись.

– Институт культуры, значит, – со значением произнес капитан, рассматривая потрепанную книжицу, являвшую собой, видимо, студенческий билет. – Это который? На базе начальной школы для трудновоспитуемых? Или вот вчера я был по вызову: культурный лицей имени первого президента РФ. Особо строгий режим, понимаешь, с антиалкогольным уклоном и штатным психиатром... – Затем не менее внимательно изучил содержимое кошелька Лехи. – С Северов, значит? Богатый край...

Последовало значительное молчание. Сержант, почувствовав ответственность момента, независимо уставился в потолок, при этом один его глаз непонятно как бдительно надзирал за поникшей парой допрашиваемых.

– Ну, и что будем делать? – снова спросил в пространство, на этот раз с глубокой печалью, капитан. – Появление в нетрезвом виде в общественном месте – раз. Наличие криминальных травм – два. Отсутствие определенных целей появления в нашем городе – три...

– Как это? – возмутился Леха. – Я на сессию приехал!

– И в институт сообщим тоже, – невозмутимо согласился капитан. – А пока для прояснения ситуации придется вам у нас переночевать. Утром разберемся. Или через день, как посвободнее будем...

До Антона никак не доходило, чего же хотят стражи. Зато опытный Леха сразу просек, в чем дело, и стал смахивать на упертого партизана во время пыток. Слегка раздосадованный такой непонятливостью, капитан решил просветить гостей северной столицы:

– Возишься тут с вами, а зарплата у нас знаете, какая? Днем и ночью преступников ловим – а за какой хрен, спрашивается? А такие как вы только под ногами путаются, и никакого дохода...

Физиономия Лехи выражала твердую решимость не выдавать местонахождение партизанской базы. И даже редкие волосы на его затылке были согласны с хозяином, по очереди встав дыбом. При виде такой стойкости приятеля Антон преисполнился гордостью и почувствовал, как его собственные глаза невольно приобретают стальной блеск.

– Ладно, – тяжело вздохнул капитан. – Чувствую, вы не прочь провести пару суток в камере. Но не здесь, а в районном отделе. Там, может, и пятнадцать дадут, районный суд рядом... Или отправят на народные стройки коттеджей для ударников капиталистического труда. Пойду, сообщу старшему, машину вызову.

– Да, – поддакнул сержант, провожая взглядом напарника. – Времени у нас мало, преступников надо ловить...

А когда капитан вышел, сочувственно сказал парням:

– Он у нас строгий. Но по мордам не бьет, только дубинкой. Так что доедете до места нахождения без видимых повреждений. Согласно протоколов.

В глазах сержанта дремала наивная простота. Институты культуры, равно как и именные лица, он явно не заканчивал.

Судя по всему, повреждения Леха органически недолюбливал. И потому, решившись, наконец, спросил:

– Ладно, сколько с нас? У меня всего-то четыре штуки осталось. А еще сессия впереди...

– Три штуки хватит, – мгновенно отреагировал сержант. – Все-таки у нас центр, Московский вокзал, жизнь дорогая. А на такси мы всегда оставляем, все же люди...

– Три – тысячи – рублей? – раздельно спросил Леха, и во взоре его засверкали фанатические блики. – Пусть тогда по морде лупит! А я потом к прокурору пойду!

Сержант философски вздохнул:

– Прокурор – он где, а мы – всегда рядом... – и, подойдя к двери, стукнул в нее дубинкой.

Очевидно, это был зловещий знак, поскольку незамедлительно появился капитан. Бросил взгляд на сержанта, тот потупился и всем видом показал, насколько ему стыдно за несоздательных граждан.

– Ну, – беспристрастно сказал пространству старший блюститель порядка и похлопал «демократизатором» по натруженной ладони.

А потом с разворота врезал этим инструментом по левому плечу Антона, отключив его руку, торец же пришелся как раз в солнечное сплетение Лехе, отчего тот задохнулся и осел на пол. Сержант с профессиональным удовлетворением взирал на эту воспитательную процедуру.

– В протоколе запишем – сопротивление сотрудникам полиции, – буднично сообщил пространству капитан, садясь за стол, беря ручку и листок бумаги. – В райотделе еще добавят...

Антон ошеломленно массировал онемевшую руку и наблюдал, как на глазах увядает партизанский пыл Лехи. Все же этого пыла еще хватило на то, чтобы Леха, с трудом поднимаясь, прошипел сквозь зубы: «Козлы...». Сообщать это вслух не следовало, потому что сержант мгновенно остервенел, и теперь уже его дубинка свистнула в воздухе, обрушившись Лехе на голову, а затем стала вольно гулять по всему телу, негуманно отдавая предпочтение почкам.

В глазах у Антона полыхнул багровый туман, и он, не соображая, что делает, ринулся на сержанта, пытаясь вырвать дубинку.

– Стоять! – заорал капитан и загремел столом, пытаясь выскочить из-за него.

Быть бы тут великому шуму и побоищу, но неожиданно лязгнула металлом дверь и чей-то ласковый голос, перекрывая, однако, пыхтение и ругательства, спросил:

– Отдыхаете, милки?

От неожиданности вся четверка прекратила дискуссию и взъерошено повернулась к вошедшему. Это был невысокий кряжистый старичок в древней «романовской» шубе и лохматой шапке, из-под которой среди буйно разросшейся поросли бровей и бороды ярко выглядывали два лукавых синих глаза.

– Мир вашему дому, – скромно поклонился старичок. – А я – Никитич.

***

Древний «Москвич-407» лихо скакал по заледеневшим колдобинам ночных питерских улиц, пугая своим взреыванием одиноких, иссекаемых морозной крошкой проституток на стылых перекрестках.

– Мент – он тоже человек, какой ни есть, – поучительно вещал Никитич, крутя отчаянно сопротивляющийся и скрипящий руль. – В менты идут от горькой жизни, если нигде люди приспособиться не могут. Они – граждане душевно ушибленные, их жалеть надо, а ты, – он сверкнул синим взглядом на Антона, – на них с кулаками!

– Это я-то?! – взвился Антон и стукнулся многострадальной макушкой о низкий потолок агрегата. – Так он же на меня – с дубиной!..

– Так ведь не стрельнул, – философски сказал Никитич. – А мог. Он на войне бывал. Почетную железку имеет, орден называется. И мозги у него больные.

– Это кто? – с глубочайшим интересом спросил Леха, внимательно слушавший диалог. – Капитан или сержант?

– Оба они не вразумленные, – туманно ответил Никитич. – Сказано – ушибленные... Да еще серые... Чего еще тут?

Старик явно не собирался раскрывать свои глубокие взаимоотношения с силами правопорядка, и парни замолчали, пытаясь осмыслить происшедшее.

Появлению Никитича в скромной дежурной комнатке недалеко от Московского вокзала мог бы позавидовать любой постановщик президентских выходов в народ. Все четверо участников намечавшейся неравной баталии обратились в немую сцену «Прокурор дружески посещает сходянку». Колоритнее всего выглядела пара «сержант – Леха»; последний открыто намеревался впиться зубами в филейную часть первого, уклоняясь от нависшего над ним жезла закона. Трудно сказать, из какого боевого арсенала Леха подцепил этот прием, но его завершающая фаза, надо полагать, была бы весьма эффективной.

Обозрев эту замершую картинку, Никитич благостно молвил: «Отомри» и махнул ручкой Антону и Лехе. Это было его ошибкой, поскольку Леха, выйдя из оцепенения, все же сладострастно вонзил свои зубы в сержантов окорок, после чего смачно плюнул и нехорошо отозвался о матушке и всех иных предках своего оппонента. Тот, впрочем, никак не отреагировал, оставаясь в позе статуи «Родина-мать зовет» с гордо воздетой в воздух дубинкой.

Антон же, разом забыв о противниках, уставился на удивительного старичка.

– Варежку закрой, – ворчливо заметил тот ему и повернулся к Лехе. – Ну ты, настырный! Вампир в кошелке! Отстань от служивого и выходи. Рухлядь прихвати, – под рухлядью Никитич подразумевал заботливо разворошенную сержантом Лехину сумку-бурдюк.

Последнее, что заметил Антон, бросив прощальный взгляд на полицейскую парочку, было то, как висел в воздухе капитан, пытаясь привстать. Никак он не мог так просто висеть – даже с отклянченной челюстью и такой зверской рожей...

При ближайшем рассмотрении Никитич меньше напоминал дедка. И виной тому были глаза – удивительно молодые, ярко-синие – а порой внезапно меняющие цвет на пронзительно-серый или изумрудно-зеленый. Такую цветовую гамму Антон обнаружил еще тогда, когда Никитич перед уходом внимательно посмотрел на замерших блюстителей порядка. И теперь мимоходом удивлялся этому, скрючась рядом с Лехой на заднем сиденье в тесной железной коробке сварливо взреывающего «Москвича», – удивлялся, несмотря на скребущий в затылке бурав, мерзкий туман в голове, ноющую руку и вопли всех остальных частей тела.

Не лучше себя чувствовал и Леха, однако его занимали более прозаические мысли.

– Никитич, – не утерпев, спросил он, – а откуда ты знаешь этих ментов? И что ты с ними проделал? Вот бы научил, а?

– Не знаю я их и знать не хочу, – сурово отвечал Никитич. – В первый раз вижу. А остального тебе знать не положено, – он неприязненно глянул в зеркальце заднего вида на Леху. – Тебе вообще куда, парень? Нам не по дороге, однако.

Только тут до Лехи стала доходить вся необычность ситуации. Весь его озадаченный вид теперь изображал бурную работу мысли. На этот процесс ему понадобилось не меньше минуты, в течение которой Никитич ждал, а Антон желал, чтобы о нем в данный момент попросту позабыли.

– М-н-э-э... – значительно произнес, наконец, Леха. – Ну ведь ты же меня спас от ментов, дед, – об Антоне он действительно забыл.

– Я воистину дед, – подозрительно ласково согласился Никитич, словно отвечая одновременно на мысленные сомнения Антона по поводу его возраста, – Годков мне пару сотен наберется, а то и поболее...

И он резко нажал на тормоз.

407-й протестующе взвыл и, строптиво взбрыкнув задом на очередной колдобине, встал боком. Леха при этом чуть не въехал в лобовое стекло, а Антон, сидевший позади нервного водителя, пропахав все тем же затылком крышу, лбом сшиб с дедка шапку. Плохо было им обоим, но не лучше – Никитичу, который, попав грудью на руль, так и остался прижимать его руками, словно горячо любимую возлюбленную. Глаза деда выпучились и приобрели некоторую мечтательность.

– Э-э-э... – просипел Никитич, пытаясь отдышаться. – Чтоб тебя за тормоза...

Он, наконец, отлепил баранку от груди и развернулся к Лехе. Глаза его теперь метали молнии.

– Превращу! – молодецки гаркнул Никитич. – В крысу! Жабу! Вон! Упырь, живоглот смердячий, пыль навозная! И этот... как его... филистер!

– Кто? – ошеломленно спросил Леха.

Тут Антона проняло. Пока дед набирал воздуха, чтобы доступно объяснить, кто такой, по его мнению, филистер, в машине раздался хохот. Антон ничего не мог с собой поделать: вся боль, все унижение, вся неопределенность, тревоги и туманы вылились в гомерическое «ха-ха-ха», которое освобождающим водопадом падало на слегка оторопевших Никитича и Леху. И было это настолько заразительно, что они с нарастающей уверенностью включились в процесс, но по-разному: Никитич выдавал залиvistое «хи-хи-хи», а Леха – разудалое «хо-хо-хо». Получилось в общем неплохое трио.

– Филистер... – пропыхтел, наконец, Антон. – Круто...

Никитич с подозрением посмотрел на него. Затем с сомнением произнес:

– Ну, может, и ошибся. Филистимлянин?.. Фармазон?.. Нет, не то...

– Филистерами, – выдал Антон, – в прошлые века в России благородно называли тупых обывателей, лицемеров и ханж. А откуда вы... знаете это слово? И, кстати, как вас зовут по имени, кроме отчества?

Уважительное отношение к себе Никитич явно ценил. Глаза его изумрудно заискрились и даже как бы увлажнились, а лицо стало напоминать сладкое печеное яблоко, если яблоки бывают волосатыми.

– Ну... – прокряхтел дед – Называй меня уж просто Никитич, да не выкай. Чего там величать... Попозже познакомимся. А словечко-то? Ну, домовничал я как-то у одного барина... Литератора... В позапрошлом веке по вашему времени... Да речь сейчас не о том. Куда этого-то? – кивнул он на Леху. – Я за тобой явился, не за ним.

Леха сидел, жвавшись в угол, надутый и обиженный.

– Как из ямы вытаскивать, – величаво и скорбно донеслось от него, – так Леха тут как тут. А как приютить бездомного – так обзываются, и еще не по-русски, – после чего последовало трагическое молчание.

– Надо взять, – сочувливо сказал Антон. – Он студент. Мне помог.

Никитич тяжело вздохнул:

– Ну, ежели помог... Да еще студент – однако, тоже ушибленный... Пусть уж ночь пере-
ночует. Морок вот потом только наводить... – взревевший «Москвич» заглушил его недоволь-
ное ворчанье.

Дальнейшее Антону помнилось плохо. Снова – скачка в строптивом агрегате по мороз-
ной ночи, мучительная боль в затылке, туман, тина... А потом просто кто-то выключил свет,
и Антон блаженно провалился в темное болото.

Глава 2

Пахло свежим сеном. Травами.

Не то чтобы этот запах был неприятен, но непривычен во всяком случае. Общее разноголосье трав было сладковатым, а при ближайшем внюхивании дурманило и вызывало тягучую ломоту во всем теле. Каждая жилка при этом запахе стремилась вытянуться, свиться в спираль, а затем расправиться с новой силой и завиться снова, но уже в другую сторону.

Это было первое – и противоречивое – чувство, с которым Антон снова вплыл в этот мир. Но первая же его естественная попытка потянуться и расправить свившиеся мышцы вызвала такую резкую боль, что он закричал и предпочел мирно, с закрытыми глазами, вдумываться в окружающее.

Потом появились звуки. Они были даже многообещающими: позвякивание тарелок, кастрюль и шумное причмокивание – так, словно кто-то со вкусом снимал пробу с только что подоспевшего обеда.

– Не то, чтобы совсем ничего, но кое-что все-таки, – содержательно молвил некто, а затем засопел.

Это явно была воркотня Никитича, благодущие которого, видимо, было вызвано вкусовыми качествами пробуемого блюда.

– Будешь, дедушка, вредничать, добавлю разрыв-траву, – медово прозвучал девичий голос. – Вот тогда – не наешься, пока не лопнешь.

– Не было еще такого, – наставительно ответил Никитич, – чтобы домовой... м-ня, м-ня... объелся за обедом, да еще у внучки...

«Так, – отметил отстраненно Антон. – Лопают вкусное. И есть внучка». Настроение его заметно улучшилось.

Правда, ненадолго.

– А вот, говорят, в Азиях, – вмешался в общую гармонию чей-то очень знакомый голос, – вкусно готовят. Это ж надо? Чурки – а в гастрономии знают толк... Тут природа несправедливо распорядилась. Зуб даю.

Конечно же, это был глас отставного скинхеда – авторитетный, нахальный и очень самоуверенный. Не хватало еще, подумал Антон, чтобы он начал внучке свою картинную галерею демонстрировать, козел вшивый. Настроение резко покатило вниз, словно ртуть в градуснике, и Антон решил демонстративно застонать. Эффект получился ожидаемый.

– Зырьте-ка, наш стукнутый ожил, – удовлетворенно произнес Лехин голос.

– Ой! – трепетно сказала дева.

– Щас замру всех! – грозно отсек Никитич. – Не мешайтесь: пусть Ант в смысл входит.

Помимо сена, в воздухе однозначно запахло чем-то вкусным – так, что заболели слюнные железы. А тут еще на лоб извечным женским жестом легла прохладная, узкая девичья ладошка, и Антон согласился с собой, что пришла пора вернуться в этот мир зрительно.

Распахнутые зеленые глаза, удлиненные так, что чуть ли не заезжали на виски, буйное облако темных, с рыжими искрами волос и ехидный изгиб идеально очерченных губ – все это было столь ошеломительно, что Антон вновь крепко зажмурил глаза и невольно пробормотал: «Чур, чур меня...».

– Еще чего, – недовольно, хотя и мелодично прозвучало над ним. – Дед, неужели я такая страшная, что на меня и смотреть не хочется? Еще и «чуры» кличет...

– Сказано – не тронь! – прогрохотал Никитич. – И прикручивать не смей! Говорено: не в силе он...

– Ему такому месяца три отлеживаться, – ревниво сказал вредный Лехин голос. – Между прочим, у меня как раз и сессия закончится...

– У тебя, обалдуя, – звонко произнесла дева, – сессии по полгода – и все на одном и том же курсе! Обалдуй и есть!

– Ну, вот! – сердито взвыл Никитич. – Деваха, ты когда за разговором-то надзирать будешь?

И в комнате засуетились. Антон с интересом вновь открыл глаза и даже приподнял голову.

За старинным громоздким столом, накрытым изумрудной скатертью и уставленным яствами, сидел Леха с отсутствующим видом и пускал слюни. Мягкий свет, падающий из-под огромного зеленого абажура висящей над столом лампы, ненавязчиво подсвечивал его пустые и бессмысленные глаза. Рука с ложкой, которой Леха, видимо, хотел совершить в воздухе изящный пируэт, застыла в совершенно нелепом положении. Возле Лехи суетился Никитич в длинной, ниже колен полотняной рубахе и совершал какие-то замысловатые пассы перед Лехиной физиономией. Напротив стояла зеленоглазая девушка в джинсах и откровенно хихикала.

– Обалдел как есть, обалдуй, – бормотал Никитич. – Так... Щас вспомню... Хара, муру, харя! Ага, оживает.

Леха зашевелился, рука с ложкой брякнулась на стол, в глазах стало появляться осмысленное выражение.

– А чё сессии? – нагло, без перерыва продолжил он. – У нас программа знаешь, какая? Тут тебе и Сервантес, и Пиноккио, и этот... как его... Марадонна! Ты в курсах, какую голову надо иметь?

– Слюни сначала подотри, – сердито молвила девушка и быстро зажала рот ладошкой, боясь, как бы чего опять не вылетело.

«Ну, и куда ты попал? – спросил себя Антон, обозревая странную компанию и почувствовав, наконец, что лежит не просто на диване, а на тюфяке с сеном. – Впрочем, не бьют – уже хорошо».

– Может, вспомнит кто-нибудь о болящем? – прохрипел он. – И расскажет, что происходит?

– Ты полежи, милоч, – прочавкал вернувшийся к обеду Никитич. – Горячее, вишь, стынет. Сейчас чаек поспеет, тут мы, не торопясь, все тебе и обскажем. Ты в беспамятстве три дня и три ночи лежал... м-ням, м-ням... Куда тебе торопиться?

После столь обнадеживающего сообщения вся троица вернулась к обеду, оживленно обсуждая взбесившуюся питерскую погоду. Антон же с изумлением осматривал большую комнату, все стены которой были закрыты буйно разросшимися растениями, а в одном углу расположился на столике самый натуральный, живой кусочек леса, с деревьями и буреломом, но в миниатюре. Ему даже почудилось, как из дупла выбралась крохотная белка, пренебрежительно зыркнула на него и повернулась к нему рыжим пушистым хвостом. За окнами, старательно закрытыми шторами цвета палых листьев, что-то скрежетало, секло – то ли снегом, то ли градом, и от этого в теплом, напоенном травами помещении было особенно уютно.

Чаевничать Леха не стал. Умяв здоровенную порцию грибного, судя по запахам, супа, он засуетился, засобиравшись, и, бросив Антону на бегу: «Ну, давай, братан, оживай», подозрительно быстро смылся.

– Умаялся он тебя вертухать, – объяснил Никитич, присаживаясь к Антону. – Мне-то, вишь, не поднять, тяжел ты, а Весняне не гоже глядеть на мужские хворости...

Тут до Антона дошло: трое суток он валялся, если верить деду, а ведь кто-то же его и обихаживал... И почувствовал, как лицо заливается горячей краской, и зашевелился, забыв об острой боли во всем теле.

– Ты это брось! – прикрикнул Никитич, заметив его стыдливые шевеленья. – Хворь – она не в укор, ежели настоящая. А тебя приложили со старанием. Дружок твой этот, Леха, хоть и болтун, да и в голове у него намусорено, а все дни тебя нянькал да по аптекам бегал. Сегодня же и поднимешься, коли в разум пришел.

Антон с сомнением прозондировал мысленно свой организм и пришел к выводу, что он, может быть, и поднимется, но отдельно, по частям. Все вместе никак не согласовывалось, болело, вопило и напоминало ему виденное по телевизору заседание Госдумы по утверждению бюджета.

– Но прежде того, – значительно произнес Никитич, смахивая остатки грибов с пушистой бороды, – Я тебя обрядую.

– Чего? – с испугом переспросил Антон, вспомнив гипнотические замашки деда.

Притихшая девушка за спиной деда фыркнула.

– Кыш! – вскипел Никитич. – Ответственный, понимаешь, момент, открытый миру рождается, а тебе – хаханьки!..

– И ничуть не хаханьки, – пропела Весняна. – Не волнуйся, Ант, все твое при тебе останется! – и со смехом умчалась в другую комнату.

– Эх... – закричал Никитич, напоминая исходящий гневным паром чайник. – Совсем этот мир испоганился. Вот потому тебе, Ант, и пора вразумиться.

– Как? Куда? Кому? – слабо прошептал Антон.

– Сейчас, – ласково сказал Никитич. И запел.

Сказать, что это явление смахивало на пение как таковое, было бы откровенной лестью исполнителю. Низкий басовитый звук, медленно вплывший в комнату, больше походил на жужжанье шмеля, которому приделали реактивный двигатель. И шмель явно переходил в режим форсажа. Жужжанье превратилось в гул, который вплыл в Антона и заставил вибрировать каждую клеточку тела. Антон закрыл глаза и медленно поплыл в жемчужное пространство, открывшееся перед ним, оставив далеко внизу лежащее собственное тело.

Его охватило пьянящее чувство свободы. Он вдруг понял, что может плыть куда угодно, и это плавание постепенно переходило в стремительный полет. Мягкий жемчужный свет, освещавший все вокруг, уплотнился, принял зримые формы, и перед ним внезапно открылась невиданная картина, смысл которой просто не вмещался в сознание.

Он разом ощутил всю планету, которая ласково открылась ему как гигантское, доброе разумное существо, принявшее его в себя – крохотную частицу в бездонном океане. В сияющем белом потоке Антон плыл над живыми материками, пронизанными множеством ярких точек, над прозрачными морями, светившимися искрами, а при желании мог дотронуться до горных вершин – над некоторыми стояли столбы пронзительного синего цвета...

Просыпались неведомые ранее чувства – Антон мог видеть (или ощущать?) температуру островов, плоскогорий, озер – всего, над чем он летел, энергию, исходящую от них, – причем энергию разных видов, от покалывающей до жгучей, от едва слышимой до могучей, сотрясавшей все его существо. Энергии вырывались пучками, свивались в спирали, лежали мощными полями – а существовал еще и некий общий энергетический фон, странным образом упорядочивавший все это многообразие...

Ошеломленное сознание лихорадочно подыскивало привычные стереотипы и образы для осмысления буйного информационного потока – и Антон уже начал различать цвета энергий, причем, как он понимал, и в ультрафиолетовом, и в инфракрасном спектре, это помогало ему хоть как-то определиться в этом странном мире. Постепенно до него стало доходить, что он видит только один пласт бытия, явленный ему, и что таких пластов – множество, и он сможет их посетить, когда захочет.

Счастливо хохоча, Антон полной горстью зачерпнул синей задумчивой энергии, изливающейся из пещеры в горном хребте в Гималаях, нырнул в ярко-желтый поток, плывший над Сахарой, полной грудью вдохнул пьянящую изумрудную дымку над Амазонкой... Он стал замечать множество дружелюбно светящихся огоньков, подлетающих к нему и излучавших приветствия, и сумел сказать им: «Я люблю вас!»... Да он и сам был теперь ослепительной белой сферой. А гигантское разумное существо, принявшее Антона в этот мир и ощущае-

мое им явно где-то рядом, словно баюкало его на ладони, по-доброму улыбаясь, и говорило: «Таких, как я, – многие множества, и они тоже примут тебя во всех слоях и спиральных реальности и времени».

Блаженно растворяясь в оранжевом сиянии неожиданно вспыхнувшего рядом радушного существа, Антон окончательно терял ощущение собственного «я» – даже такого фантастического – и постепенно уплывал в бездумное забытие. Оранжевый шар притягивал, успокаивал и, казалось, даже мурлыкал.

Мешало только ощущение покалывания. Где-то внизу справа он ощутил (позднее Антон передал бы это как «увидел пятой ногой») зеленую звездочку, медленно приближающуюся к нему и покалывающую его острыми лучиками. По мере приближения в звездочке угадывалось что-то очень знакомое и настырное. «Ну, и чего?» – лениво подумал Антон. «Домой!» – сердито сигнализировала звездочка. «Это куда?» – не понял Антон. «Идем, идем», – торопила звездочка, и ее зеленые лучики превратились во вредные шильца.

Оранжевый шар, только что излучавший притягательное радушие, внезапно резко почернел, и Антон почувствовал полыхнувшую из шара волну злобы. К Антону потянулись черные щупальца. Он растерянно метнулся в сторону, но шар мгновенно оказался рядом, а щупальца сплели вокруг него темное кольцо, в котором Антон начал задыхаться.

А дальше вокруг забурлило и заискрило. Сквозь появившиеся разрывы в кольце Антон уловил яростные зеленые проблески, рассекавшие щупальца, а затем увидел черные сгустки, которыми шар гневно плевался в метавшуюся вокруг него звездочку. Рядом с ней появилась еще одна, тоже зеленая, но с солнечными проблесками, и ввинтила в черный шар целую серию острых спиралей, явно шару не понравившихся: он ухнул и взмыл высоко вверх, к жемчужному сиянию, разливавшемуся на небосводе. Далеко внизу, на каком-то континенте, Антон успел заметить ярко зардевшееся пятно, из которого вырос огромный дымный гриб, и понял, что это был вулкан, проснувшийся именно из-за этого сражения. Впрочем, события развивались словно в спрессованном времени – настолько стремительно, что, пока он думал вулкане, еще серия зеленых игл вонзилась в мрачный раздувавшийся шар.

И тут на него накатил грохот – такой, что завибрировало все его существо. Грохотали плевки черного шара, рычал он сам, с сухим оглушительным треском летели зеленые стрелы и спирали – а сам Антон в этой какофонии сжался в светлый маленький комочек, не в силах оторваться от сражающихся за него двух зеленых звездочек и в то же время не умея помочь им в этом непонятном мире...

«Ну, где же ты?» – взмолился Антон, адресуясь к тому гигантскому, доброму разумному существу, которое он воспринимал как саму планету, раскрывающую перед ним дотоле невиданные свойства. И был услышан.

«Хватит!» – пророкотало вокруг, и Антон почувствовал, словно огромные, бездонные глаза с некоторым интересом обратились к нему.

В пространстве что-то прошелестело, словно взмахнули огромные крылья, и черный шар с протестующим хлопком исчез, словно его просто выбросили вон. Зеленые звездочки весело затанцевали и, подлетев к Антону, замерли рядом. Огромные глаза материализовались, распахнувшись в полнеба, и занялись изучением всей троицы. Затем в них весело полыхнул белый мягкий свет, сменившийся изумрудным сиянием, и грудной, очень знакомый женский голос произнес, адресуясь Антону: «Приходи еще». После чего все исчезло, сменившись крошечной тьмой, а Антон рухнул куда-то вниз.

– М-м-м... У-у-у... – было первым, что он услышал, возвращаясь в родной мир, и понял, что это была все та же ария теперь уже охрипшего Никитича.

Непонятная тоска накатила на Антона, и, еще не открывая глаза, он почувствовал, каким же маленьким, тусклым и серым, зажатым и скованным было все вокруг, и отчаянно рванулся

обратно, к свободному жемчужному сиянию... Но оно исчезло, и оставалось только собственное тело, внутри которого Антон почувствовал себя словно запертым в темнице.

– Спокойно, милок, спокойно, – прогудело над ухом. – Вернулся – и ладушки. А хлопот ты задал нам немало.

Антон открыл глаза. Сидевший возле него Никитич выглядел усталым, и даже его борода, казалось, пожухла. Возле них суетилась Весняна, разливая в чашки какой-то настой, и выглядела она тоже утомленной, даже синева пролегла под зелеными глазищами. Горячий напиток побежал по жилам, заставил встрепенуться каждую клеточку, и Антона начало отпускать. Странно – только теперь он почувствовал, что ничего у него не болит, тело повинуетя ему на удивление легко и послушно, и даже ледяной бурав в затылке словно растаял, оставив лишь чувство приятного легкого жжения... Антон приподнялся и сел, вслушиваясь, как энергия горячей волной растекается по телу, напитывая его молодой, нетерпеливой силой – так, что стали покалывать кончики пальцев.

– Вижу, вижу, – удовлетворенно произнес Никитич. – В себя пришел. Хорошо Силы черпнул в Вышемирье.

– Где? – с удивлением спросил Антон.

– Вставай, лежебока, – с ехидством произнесла Весняна. – Сейчас поесть, небось, запрошибь. Вот за столом и поговорим.

– К-ха! – робко кашлянул Никитич.

– Ну, куда ж без тебя! – отреагировала Весняна. – Ладно, и тебе тарелку налью... Все-таки целых два часа рыцарствовал. А вот если б Ант не взмолился, да Мокоша на помощь не пришла – пришлось бы нам несладко.

Антон понял, что толку от этих двух пока не добьешься, и решил принять практическое предложение Весняны – тем более, что есть и в самом деле хотелось зверски.

За окнами уже стояла ранняя морозная темь, и от этого в комнатке, напоенной травными запахами, было особенно уютно. Грибной суп, благоухающий так, что кружилась голова, был восхитителен – так же, впрочем, как и оладьи со сметаной. Что там добавляла Весняна – было большим секретом, только Никитич с довольством трогал свой округлившийся животик и ворчал, словно оголодавший кот. Ясное дело, разговоров в столь ответственный момент он не вел.

– Ну, так вот, – сказал Никитич, закончив, наконец, уже казавшийся бесконечным процесс поглощения пищи, и откинулся на спинку массивного дубового стула. – Начнем, пожалуй. Э-э-э... С чего же? Ну, само собой, с меня. Я вот как есть домовой, а Весняна – домовена, внучка то бишь. Усек? – и с любопытством воззрился на Антона: как, мол, переваришь такую новость...

Странно, но Антон почему-то ничуть не удивился. Ему на миг показалось, что он снова свободно плывет в жемчужном тумане, и это была реальность, просто другая, но тем не менее существующая.

– Тебе там, в Вышемирье, должны были разъяснить, – несколько разочарованно продолжал Никитич. – Я, вишь, в науках этих не силен, мы с Весняной более чувствуем, да и живем поболее, чем ты...

– О себе говори, дед, – сердито прервала его Весняна. – Я не более чем он, живу в этом мире!

– Вот то-то, в этом мире... – ехидно начал Никитич, но, уловив опасный блеск в глазах внучки, живо поправился. – Ну, это... Зелена еще, конечно. Так чего-нибудь ты там, в Вышемирье понял, нет?

Антон растерянно пожал плечами:

– Это было так фантастично... Какая-то планета живая. Вроде как наша Земля, но без городов. Так просто не расскажешь. Если честно, я ничего не понял. А лекций там никто не читал. Совсем честно – так просто растерялся.

– Оно, конечно, – кивнул дед. – Даже нам внове каждый раз в Вышемирье попадать. Да и опасно долго там быть нам-то. Мы еще не выслужили и не заслужили. Но, поелику вернулся ты оттуда целым и невредимым, да еще Силы поднабрался, верно мы тебя нашли: приняло тебя Вышемирье, и даже сама Мокоша помощь оказала. Значит, ты тот, кто есть. И нам за то благодарность дана Мокошей, которая нам о тебе поведала. А поелику так, то обрядовал я тебя правильно, и отныне посвящен ты, вразумлен и миру открыт – и этому, и прочим. С рождением тебя, Ант!

Произнеся эту торжественную тираду, Никитич парадно приосанился, огладил бороду и со значением воззрился на Антона. Весняна порозовела. В комнате воцарилось ожидающее молчание.

Антон во все глаза глядел на деда с внучкой и ничего не понимал.

Никитич сердито засопел, а затем сварливо осведомился:

– Ну, теперь-то вспомнил?

– О чем?

– О том, кто ты есть! – раздраженно рявкнул Никитич. – И зачем я для тебя немеряно глотку драл?

– И не просто драл, – с ехидством сказала Весняна, – А как в опере. «Иван Сусанин» называется...

– Цыц! – взвился дед. – Ну что за девка, что ни слово – то шило!..

Антон как-то уже начал привыкать к постоянной перебранке этих удивительных личностей – похоже, это было для них действенным средством снятия стресса, как для народных масс в России – бутылка водки или бессильные плевки в адрес олигархов и воров-чиновников.

– Что я должен вспомнить? – сердито осведомился он. – Была какая-то планета, какой-то мир, какой-то оранжевый козел на меня напал... И я до сих пор не пойму: может, то бред был? Или транс? А может, Никитич, ты меня загипнотизировал? И кто я есть, по-вашему?

– Эхе-хе, – вздохнул Никитич, и борода его печально поникла. – Крепко тебя по кумполу ошарашили. Должен был ты после этого путешествия вспомнить если не все, то хотя бы что-то в тебя вложенное. По всему видать, на том вокзале не простые были жулики, а приложил кто-то из сильных Темных. Мыслью, знают они про тебя и не хотят во вразумленные миры пускать.

– Ничего! – задорно сказала Весняна. – Подумаешь – Темные! Вспомнит он все, а мы поможем.

А затем Никитич с Весняной поведали Антону такое, от чего ему вдруг вновь захотелось на темный, продутый стужей Московский вокзал: там все понятно, и жулики, и менты такие родные, сволочные и объяснимые... А тут – какие-то инореальности, сложности, все перевернуто и запутано...

Глава 3

Мир, в котором пришлось обитать Антону, числился в разряде не лучших. Это была Серая Реальность, потерявшая доверие Высших сил. Когда-то, в отдаленные времена, существовали здесь народы, которые, казалось, уверенно шли к преддверию Оптимума, или Светлому счастью... Но в ходе всяческих местных сражений сил Добра и Зла, выразившихся во множестве языческих и иных религий, победило Нечто, и в итоге цивилизация крохотной частицы Вселенной, именуемой местным населением «Земля», оказалась в некоей изолированной части, известной среди открытых Галактическому разуму народов «Серой пустыней» – большой по пространственной протяженности, но малой во времени.

На этом теоретические познания Никитича заканчивались, и он снова сбивался на неожиданное благоволение Мокоши, оказанное так кстати. Весняна скромно помалкивала.

«Бред», – подумал в смятении Антон, внимая гудению просвещенного домового, ощущая плетеное сидение крепкого кресла и слушая знойное пение канарейки, прыгающей в плетении ветвей возле закрытого морозной бронёю окна.

В изложении Никитича мироощущение выглядело спутанным, зыбким и туманным – таким же, как борода повествователя, то вздыбленная, как шерсть рассерженного сибирского кота, то благообразная и похожая на облако переливчатого дыма. Одно Никитич знал твердо: был Серый мир, в котором он, к его прискорбию, вынужден пребывать в сей момент, и счастливое Вышемирье, где он надеялся окончить свои лучшие дни. Все остальное выглядело непонятной космологической смесью. По крайней мере, так это воспринимал Антон, воспитанный высшим образованием Ньютона, Лобачевского и Менделеева. Где-то вдали, правда, еще болтался загадочный Эйнштейн, ехидно потрясая воображаемыми пейзажами.

Впрочем, Никитич, вопреки собственным словам, ничуть не тяготился пребыванием в Сером мире – по крайней мере, за его официальным прискорбием таились довольствие, округлое брюшко и сладкая возможность зомбировать представителей власти предрержащих, включая бессердечных домоуправов.

– Ты, главное, не бери к сердцу, – мирно гудел дед, любовно оглаживая бороду и уютно поскребывая полотняную подмышку. – В пшеничном поле – многие тысячи зерен, и твой мир – одно из них. А есть еще зерна ячменя, ржи, риса и многих тысяч растений, которые живут тут, рядом с твоим полем. Но они – другие. Если же взять, к примеру, среды Юпитера или Сатурна, не говоря о других звездных системах, где процветают зерна другой жизни... Это я говорю только о зернах, которые ты можешь осмыслить своими знаниями. Говорю фигурально, как глаголил барин-литератор, чей дом я имел честь содержать сотенку лет назад... По совести сказать, кухня у того барина была не в пример нынешней, а уж грибная запеканка и кухарка... – тут Никитич сладко причмокнул и даже сглотнул слюну.

«Вот старый бабник», – невольно подумал Антон.

– И ничуть не старый! – взвился обиженно Никитич. – Я тогда ишло совсем молодой был!..

– Ну да, – ехидно добавила Весняна. – Всего пару – другую сотен годков...

– А уж окорочка у той кухарки... – по инерции продолжил было мечтательно Никитич, но, опомнившись, решил, что надо обидеться. – Однако твой суп, внучка, только лешаку с похмелья!

– Вот как?! – гневно взвилась Весняна. – А с чьего супа тебя разнесло так, что ни в одну мышиную нору не пролезает – даже в депутатской квартире, где год назад жил?

«Эти двое еще и мысли читают», – проворчал про себя Антон. И почувствовал, как у него не фигурально, а натурально начинает ехать крыша. Оптимумы какие-то, а тут дед с девчон-

кой начинают грозиться друг другу искрящими зелеными молниями, размахивая ими, словно облезлыми скалками в кухонной ссоре.

– Вот что, граждане, – выступил Антон, повинувшись инстинкту самосохранения и удивляясь собственной решительности. – Прекращайте коммунальные свары! Я примерно понял, что все мне только кажется, и вы в том числе. А чаем меня напоят? Чай у вас настоящий?

– Чаем напоим, – охотно согласилась буйная парочка домовых. – И даже бублик дадим.

Никитич произвел какое-то замысловатое движение руками, и на столе появилось удивительной красоты фаянсовое блюдо с горкой румяных бубликов, аппетитных даже издали.

– Из старых запасов, – самодовольно сказал дед. – По такому случаю...

– Сколько бубликам этим лет-то? – насмешливо сказала Весняна. – Все зубы, поди, обломает.

– Молодо-зелено, – отмахнулся Никитич. – Ты, Ант, вникай в это дело и особо в голову не бери, как мир устроен. Все равно до конца не поймешь, да и я не понимаю. Это Высшим дано, а уж мы им только пособляем. Вот как интернет, к примеру, – не знаем, а пользуемся, – и дед гордо приосанился. – Это тебе не бублики из загашника таскать. Или даже в Вышемирье лазать.

– А у вас что, – убито спросил Антон, – еще и компьютер есть?

– А как же! – радостно возопил продвинутый домовый. – И браузер последней версии! Я его у двоюродного дяди с Васильевского острова слямзил. То есть... как это... скачал. А потом еще обновил.

– И шастаешь по магическим сайтам, ведьмочек отлавливаешь, – ехидно пропела Весняна.

– Ну... – запыхтел Никитич. – Это к делу не относится. Одним словом, Ант, вопросец наш такой: надо, чтобы ты вспомнил то, что должен вспомнить, а потом мы направимся в одно место, но прежде подождем кое-кого.

– Исчерпывающе, – кивнул Антон. – А почему вы меня Антом называете?

– Потому, – отрезал Никитич, – что сказано мне было встретить и сопроводить сюда как раз Анта – человека, рожденного в этом мире, но сущего в мирах иных. И тетка твоя об этом знала, но не имела права говорить, чтобы не навлечь злобы Темных. Те, кто должен был, наблюдали за тобой, а теперь пришло время осмысления. И есть ты Ант в мирах, тебе доступных, а Антоном тебя кликали для схожести.

– Хорошо наблюдали, – Антон потер макушку.

– Это ты сам виноват, – огрызнулся Никитич. – Где отравы-то болотной успел хлебнуть, в поезде аль на вокзале? Если б не Вышемирье, долгонько пришлось бы тебя из болезни вынимать.

Антон вспомнил любезного кавказца. Ну не зря не понравилась ему эта личность с самостоятельной бородавкой на носу...

– Был там один такой кавказец Гога в вагоне, – неуверенно сообщил он. – Вином угощал. Я и выпил-то совсем немного.

– А много и не надо, – проворчал Никитич. – То есть сначала на тебя дурман навели, а потом чем-то магическим по кумполу шваркнули. Кому-то очень надо было, чтобы ты, как у вас тут говорят, или на тот свет отошел, или не вспомнил ничего. Первое у них не получилось, а вот второе... И в Вышемирье, судя по всему, они же тебе помешали – да хитро: сначала хотели убаюкать, а уж потом к себе утащить... Ну, подождем Митромира.

– Это еще кто?

– Вот он много чего тебе и пояснит, – отрезал Никитич. – И не все сразу, больше не спрашивай, оно вредно – перегружаться. А ко всему на покой пора, утомились мы нынче, тебя в Вышемирье выручая...

Настроение у деда испортилось при воспоминании о кознях загадочных Темных, и он, неожиданно проявив боцманские ухватки, объявил отбой в кубриках. Оставалось только догадываться, какие обширные знакомства вел столь разносторонний домовый в своей долгой жизни.

Активный день познаний закончился.

***

Квартира, где проживали Никитич с внучкой, вызвала бы жгучий интерес у любой строительной компании. Поначалу Антон путался в количестве и расположении комнат, недоумевая, как можно, выйдя из кухни, попасть в гостиную, затем – в прихожую, пройти через четыре спальни и опять – в кухню, пока Весняна доходчиво не объяснила ему, что дед из экономии урвал частичку какого-то пространства, на котором и расположил большую часть своей жилплощади. Причем пояснила она это, легко минуя устарелую физику и лишь оперируя терминами «заколдовал» и «сотворил». На счастье деда, чиновники от архитектурной инспекции, налоговики и прочие славные представители многочисленной фискальной рати еще не овладели умением облагать данью смежные пространства.

– Поначалу, – поведала девушка, – когда деда занесло в этот город, он жил в мышиной норке. Там сделал себе двухкомнатную берлогу. А потом осмотрелся и захотел жить, как местные живут...

На взгляд Антона, понятия домового о том, как живут местные, были странноватые. Во всяком случае, одна из комнат, гордо именуемая Никитичем кабинетом, смахивала как раз на лесную берлогу с торчащими из стен корнями и мхом, а посередине плескалось небольшое озерцо с наглыми карасями, постоянно требующими червячков, личинок и прочих вкусностей. Зато в углу на современном столике притулился тот самый компьютер, ради которого дед совершал рискованные операции с браузерами, а затем при его соучастии водил шашни с ведьмочками. Для того, наверное, чтобы у посетителя, впервые посетившего кабинет, окончательно съехала крыша, поверх монитора на полочке Никитич пристроил серебряный подсвечник – на тот случай, как он туманно пояснил, если выключат электричество.

– Свихнешься тут, на вас гляючи, – бурчал Антон, и единственным спасением от всего этого было считать, что он попал в сказку, в которой совершенно нормально смотрятся интернет, современный домовый и свежие лесные грибы среди февральской стужи, до которых дед, судя по всему, был большой охотник.

Весь этот день Антон провел в знакомстве с этим оригинальным многокомнатным мирком, а также в содержательных беседах с домовеной. Сам домовый где-то загадочно отсутствовал по очень важным делам. Весняна, в присутствии Никитича помалкивающая, охотно рассказывала об их жизни в Питере, старательно обходя эпизоды из прошлого, темы путешествий в иные миры и то, как устраиваются колдовские штучки.

– В этом дедушка знаток, – только заметила она. – А ты себе голову не забивай раньше времени. Вот явится Митромир... – и она загадочно сверкнула зелеными глазищами, за секунду до этого полыхавшими, как у деда, небесной лазурью.

Антон со вздохом согласился ждать этого Митромира, а пока узнал, что Никитич очень неплохо обустроился в Сером мире. В хрущевской пятиэтажке на Петроградской, которую дед избрал своим пристанищем, он теперь играл важную роль нештатного управдома, сурово обходясь с пьяницами и милостиво разрешая коммунальные свары. Пускал ли Никитич в ход свой гипноз и прочие профессиональные навыки, было секретом, но несколько раз в дверь квартиры звонили жильцы и уважительно-боязливо осведомлялись, дома ли «старшой» и когда с ним можно будет посоветоваться. Более того, Никитич сделал невозможное, наведя порядок в обслуживающей дом конторе: в доме всегда была горячая и холодная вода, не текли трубы, в подвалах царил чистота, а сантехники являли образцы вежливости и полное отсутствие корыстолюбия. Даже двор не был украшен горами мусора с пирующими на них крысами, а сиял ухо-

женностью и облагорожен самодельным фонтанчиком: писающим мальчиком, до странности смахивающим на Никитича, но без бороды. Не удивительно, что вскоре дворик стали показывать туристам как свидетельство радения городских властей о простых горожанах, а дворник – тихо пьющий кандидат филологических наук – читал любопытствующим туманные вирши собственного сочинения о высокодуховной нежиге.

– А участковый? – спросил Антон, памятуя о бдительности и дружелюбии стражей порядка.

– Был один раз, – насмешливо фыркнула Весняна. – Они с дедушкой уговорили флягу грибной настойки. Потом участковый произвел дедушку в полковники, исповедался и уговаривал принять в подарок свой джип навороченный. Всю рубаху слезами измочил... Теперь здороваега издалека, но к нам – ни ногой. Совега, говорит, не девка, лишний раз трогать боязно.

– А вот эгог... лесной антураж в квартире, он разговоров у посетителей не вызывает? – осторожно спросил Антон.

– Так вега эго просто! – удивилась Весняна. – Морок... Я бы тебе показала, как невразумленные наш дом видят, но тебя морок не берет, потому что ты вроде как наш. А видят они обыкновенную двухкомнатную хрущевку. Если повезет ее адрес вспомнить.

– А Леха?

– Ну, поначалу дедушка глаза-то ему отвел, а как пригляделся – так и открыл. Правда, поспешил, надо было приготовить Лешку, парень малость притуманился. Куда-то исчез, а вскоре вернулся, весь пьяный, с синяком и объявил, что он эгог... Мерлин и уезжает восстанавливать в своих правах какого-то короля.

– Артура небось, – догадался Антон.

– Ага, его. И еще хотел научить дедушку приемам боя на мечах. Жалел, что дед слишком старый для оруженосца.

С Весняной было удивительно легко. Путаница была только в возрасте: иногда она казалась совсем девчонкой, но часто проглядывало в ней такое глубинное, женское, что Антон терялся и смущался. Впрочем, эту такую привлекательную грань Весняна старательно прятала. А потом и сама стеснительно объяснила, отвега чистые – синие в эгог момент – глаза в сторону:

– Понимаешь, Ант, у домовены есть свойство... или дар... назови как хочешь – в общем, привораживать парней. Вот только оборачивается эго для них плохо. Голову теряют, а часто и жизнь. Ты-то вразумленный, и тебя эго меньше касается, но дед мне строго наказал чары на тебя не наводить. И на Лешку тоже, раз уж он к нам в компанию прибился.

После чего нашла кучу неотложных домашних дел, которые нужно сделать к приходу Никитича, а особенно – заказанный им соус из грибов-вешенок. Похоже, дед держал внуку во всей домовей строгости.

– А на какие средства живете? – спросил потом Антон, поддавшись добросердечной российской привычке с пристрастием интересоваться содержимым кармана соседа. – Никитич, случайно, пенсию для домовых не получает?

– Эго от какого же государства? – парировала Весняна. – Если от вашего, местного, то на такую пенсию, как дедушка говорит, дырку от бублика не купишь. Да и ту торгаши жадючие выманят да государство ваше опять же урежет и еще пенсионный возраст прибавит... Ты-то вот, видать, у тетки как за стеной жил. Вон какой здоровый да упитанный, только безобидный какой-то... Добрый. Дрался хоть раз-то, а?

Антон задумался. Странно, но жизнь у тетки в заштатном городишке воспринималась теперь как далекое прошлое, которое с каждым часом уходило в туманную дымку. Весняна была права: жили они с теткой замкнуто, ни с кем особо не общались. Были среди сверстников приятели, но вот друзей как-то не завелось. Быть может, потому что об Антоне ходила слава чудика, в себя вечно погруженного и читающего старомодные книжки, в то время как одно-

классники, неуклонно взрослея, поэтапно познавали тайны бытия: первая сигаретка и бутылка пива, первая тусовка во «взрослом» ресторанчике, первый наркотик и первый секс... У кого-то были первый фирменный ранец, у кого-то – БМВ, но в общем к концу школы все приходили с одинаковым уровнем опыта.

Антон оставался в стороне. Драки обошли его стороной лишь потому, что сам Антон был юношей не мелким, пару лет увлекался модным тогда айкидо. Любой гопник, посмотрев на широкоплечего русоволосого парня с простым русским лицом, увидел бы в доверчивых на первый взгляд синих глазах нечто, от чего в задумчивости свалил бы в ближайшую подворотню. Да и, наверное, наблюдал все-таки за ним кто-то, потому что было несколько ситуаций, из которых он непонятно как вышел без единой ссадины...

Те же силы, видимо, сберегли его от российской армии, позволив тихо и незаметно закончить учебу на непопулярном и хиреющем историческом факультете местного широкопрофильного колледжа с ветеринарным уклоном. Пару раз вызывали в военкомат, где тыловой майор с выпученными от постоянного похмелья глазами пытал на предмет наличия каких-то важных родственников. Антон не раскололся, потому что и в самом деле ничего не знал, чем вызвал еще большее уважение майора. Во всяком случае, сам того не желая, Антон лишился удовольствия познакомиться со сладостью самоволок, познавательностью дедовщины, шкурничеством и самодурством командиров, а также другими простыми армейскими радостями.

Происхождением покровительствующих ему сил Антон тогда не задавался, да и тетка, смахивающая на грустную старую деву, плакавшую по ночам над любовными романами старой российской классики, в подробности не вдавалась. «Родители твои, – говорила она, – рано погибли в автокатастрофе, сами они – детдомовские, были обыкновенными строителями и скакали по стройкам, пока я тебя, охламона, воспитывала. И вопросов больше на эту тему не задавай». Правда, некие странности в характере и поведении тетки Антон замечал – любила, например, сидеть в темноте, по весне исчезала в окрестных лесах несколько дней, чем заслужила в маленьком городке славу не то колдуньи, не то лекарки-травницы. Это тоже было на руку: тетку побаивались и лишний раз в дом не совались. Странно было и то, что при более чем скромной зарплате библиотекарши жили они в сравнительном достатке: водились у Антона и музыкальный центр, и мотоцикл, хоть и отечественный...

– Дрался – не дрался, – со значением проямлил Антон, – Но было всякое...

А что он еще мог сказать?

Глава 4

Идиллия закончилась поздней ночью, когда в городскую лесную берлогу явился Леха. Он любил парады.

Леха прибыл на руках Весняны, сопровождаемый донельзя смущенным Никитичем. Отставной скинхед был пьян, возмущен и одновременно удовлетворен, если признаком этого можно считать утроенную в объеме верхнюю губу, мешавшую ему изображать торжествующую ухмылку. Кто-то, видимо, изрядно промахнулся, попав ниже предполагавшегося Лехино носа, чем доставил его обладателю чисто детскую радость.

Парадный внос Лехи в прихожую сопровождался тривиальной народной лексикой, одно-значно адресованной почему-то современной попсе. И даже не совсем современной, скорее даже исторической, а именно – миллиону алых роз. Пока Весняна возносила Лехино брненное тело до ближайшего дивана, он даже пытался эту попсу воспроизвести, причем сарказм его производил удручающее впечатление.

Уяснить столь сложные взаимосвязи между попсой и утроенной губой татуированного ненавистника цветов помогли Никитич с Весняной после того, как со стороны терпеливого дивана раздался, наконец, залиvistый храп, свидетельствующий о Лехиной полной умиротворенности.

– И что это было? – осведомился Антон, кутаясь в одолженный ему Никитичем утром халат и заспанно моргая. – Возвращение блудного сына из розария? Поспать не дают болезному, чесс-слово...

– Дак ить его! – фальшиво возмутился Никитич. – Ведь еле вытащил-то из этого... трактира. Клуб который, имя ему – «Ночные поганки». Тьфу! Поганки и есть... – дед явно что-то не договаривал и старательно таращил чистые синие глаза.

Поза Весняны в это момент являла собой статую разгневанной Фемиды – если только богиня правосудия имела обыкновение подбочиваться и метать из глаз зеленые молнии.

– Как же! – донельзя ядовито заявила она. – То-то ты и твоя ведьма вопили, что грибов еще не пробовали... А этот, – Весняна гневно ткнула пальцем в невинно дрыхавшего Леху, – орал, что ему надо найти веник роз, а он его еще не нашел...

– Зачем?! – поразился Антон, предполагая, что из всех ароматов Леха уважал лишь запах еще не выпитого свежего пива, но отнюдь не цветов.

И Весняна, и Никитич вдруг стали очень похожи друг на друга в некоем смущении.

– Ну... это, – отвечивал, наконец, дед, – он хотел вставить веник какому-то скомороху. Туда, откуда ноги растут.

– И как можно глубже, – злорадно добавила Весняна. – Вот это бы еще сделать твоей ведьме.

– Ты Маврушу не трожь! – взвился Никитич. – Знаешь, как она по кумполу съездила охранителя этого скомороха! А то пришлось бы собирать Леху по кусочкам!

– Как же, как же, таким помелом – и по голове... Пополам!

– Голова? – ошеломленно спросил Антон.

– Помело! – яростно ответствовала Весняна. – Так потом эта Маврушка еще и ныла, где она теперь транспортное средство достанет такого качества. Надоела совсем!

– А и нечего осуждать, – пошел в наступление Никитич, – молодо-зелено. Она на этом помеле полтонны могла увезть, дерево-то африканское, крепче железа, а нынешние-то и от двух пудов обломятся, из сосны деланы, самопал. Не то нынче изделие пошло, не то, а вот ранее бывало...

– Ей, конечно, виднее, – Весняниному яду могла бы до боли в зубах позавидовать любая гурза, – с ее-то возрастом...

– Э... – предупреждающе крикнул Антон, видя, что диалог домовых грозит перейти на личности, – так как насчет того места, откуда ноги растут? И почему Леха хотел устроить букет обязательно туда?

После допроса с пристрастием, длившегося не менее часа и поминутно грозившего перейти во взаимные обвинения допрашиваемых, картина стала проясняться.

Никитич не любил болтаться без дела, да еще ожидая кого-то, в данном случае – Митромира. А в предчувствии предстоящего путешествия он решил отринуть дела как таковые, навесить одну ведьмочку, отловленную им в недрах интернета, и сказать ей последнее, быть может, «прости». Впрочем, такое свидание тоже было делом – и, судя по вздыбившейся от приятных воспоминаний бороде Никитича, требовавшим немалых трудов. Во всяком случае, после такового понадобилось отдохнуть, и парочка решила мирно пофланировать по вечернему Невскому проспекту, вспоминая старину, бывшую от сего дня в какой-нибудь паре-тройке столетий.

Вот тут их угораздило встретить Леху. Мир, как известно, тесен, а пути шествия отставных скинхедов и вечных студентов неисповедимы, если не знать точного расположения ближайших пивных баров. А на Невском эти угодные народу заведения чередовались один за другим. Леха именно шествовал – от одного бара к другому – в компании закованных в скрипящую кожу с заклепками юношей, глазевших в рот наставнику, который вдохновенно изрекал нетленные, очевидно, истины.

Судя по Лехиному вдохновению и твердости его походки, принятого им литража ячменного напитка было явно недостаточно. А денежный источник у всей компании, похоже, иссякал. Наверное, отчасти этим объяснялись те радость и надежда, с коими Леха всенародно лобызался с Никитичем.

Тут бы деду и проявить вековую мудрость, но...

– Бес в ребро, – с ожесточением вставила в этом месте повествования Весняна.

Еще бы: ведьмочка глазела так нежно, так преданно... И Никитич парадно распахнул свой бумажник, возгласив: «Веди, Леха!».

Узрев «лопатник», полный «бабла», Леха воссиял. Ему уже мерещился безбрежный пивной океан, накрытый душистой шапкой пены и маняще катящий волны от континента к континенту, когда выяснилось, что лично на Никитича этот простор не производит впечатления. То есть не усваивает его организм веселящие свойства традиционных спиртных напитков этого мира.

– Мясизъм не тот, – пытался втолковать Лехе Никитич, для наглядности щипая себя за бока.

– Фу! – стыдливо отворачивалась Мавруша. – Сизъм-то здесь причем?

Пока Леха уяснил, что дед имеет в виду метаболизм, вся компания окончательно замерзла на ледящем ветру, просвистывающем ущелье проспекта. Кожаные юноши робко топтались рядом и не вмешивались в высоконаучный спор.

– А что же ты усваиваешь, Никитич? – печально спросил, наконец, Леха, мысленным взором с грустью провожая уходящий вдаль океан.

– Грибную настойку, – стыдливо отвечал Никитич, страстно желая совместить свои интересы с Лехиными.

Как на грех, именно в этом месте над сверкающим потоком авто, льющим по засыпаемому ледяной крошкой Невскому, красовался плакат-растяжка с вызывающей надписью «Только в «Ночных поганках» вы навсегда обретете мир и покой». На фоне светящихся вывесок прочих заведений растяжка смотрелась непритязательно, но многообещающе.

– Вот, – ликующе ткнул пальцем в плакат Леха. – Лучший ночной клуб на Невском! Только для своих. Тут, Никитич, ты обретешь поганки, то есть настойку, мир и покой, а я –

пиво! А вам, братишки, – он сурово повернулся к застывшей стайке соратников, – это еще рано. До встречи на баррикадах.

Соратники, поняв всю важность данной конспиративной встречи, солидно продолжили путь в сторону ближайшего виноводочного подвальчика.

– Дак ить поганки! – пытался было опротестовать предложенное решение Никитич. – И ночные какие-то...

– А ты знаешь, что викинги только с помощью таких настоек били врагов и становились вождями? – грозно возгласил Леха. – Может, там еще и мухоморы найдутся – это вообще круто, особенно для мужской силы.

Последний довод сразил деда наповал, и через пять минут «Ночные поганки» приняли троицу в свои залитые огнем объятия.

Правда, не сразу. Охранявший вход верзила с безмятежным отсутствием мысли на челе заявил было: «Сегодня частная вечеринка», но Никитич небрежно махнул рукой, и тот угодливо распахнул перед ним двери:

– Прошу, прошу, Какой Какиевич, сегодня все свои.

Чуть погодя Леха яростно шипел: «Ты под кого закосил, Никитич? Какого Каку?», на что тот отвечивало солидно: «Под начальника, конечно. Ну, может, депутата. Или губернатора. Какая разница-то? Все они для сего охранителя каки. Откель мне знать, что он в своей головенке сообразил?».

Дальнейшее вызывало у Никитича только гневные междометия. Вечеринка действительно была частная и очень откровенная. Во всяком случае, когда какой-то пузан с физиономией, виденной Лехой где-то на предвыборном плакате, пытался с помощью икры художественно татуировать обнаженную известную труженицу телесериалов, взгромоздив ее на один из столиков, энтузиазма это у домового не вызвало, чего нельзя было сказать об остальной публике. В большом зале на эстраде упражнялись в терзании слуха публики чахлые молодые люди в ковбойских сапогах, разукрашенные мертвенной синевой. Впрочем, публике было не до них: потная толпа скороспелых знаменитостей, бизнесменов, политиков, бандитов и просто странных личностей, подсвечиваемая лазерными бликами, качалась из зала в зал в поисках развлечений и острых ощущений. В туалетах радостно совокуплялись, усеивая пол презервативами.

Бумажник обозленного Никитича стремительно пустел в полном соответствии с уровнем местных цен и потребляемого Лехой пива. К тому же Мавруша, попривыкнув к особенностям отдыха питерского бомонда, перестала держаться за рукав Никитича, шарахаться от игривых подмигиваний томных мальчиков («Любители старины», – нетактично ворчал на этот счет Леха) и возымела интерес к французскому шампанскому, спарже, осетрине и прочим интересным вещам. Никитич понемногу зверел, но целеустремленного деда не оставляла надежда отведать хваленной грибной настойки.

– Где твои поганки? – орал он то на Леху, то на проносащегося мимо ошалелого официанта. – А мухоморы где? – но грохот из динамиков и жизнерадостные вопли толпы мешали ему достучаться до истины.

Ситуацию помог разрулить неожиданный знакомый деда, возникший из дымного сумрака и оказавшийся, к изумлению Никитича, совладельцем «Поганок».

– Я-то думал, – объяснял потом Антону дед, – что живет этот Козюкевич тихо и спокойно, вампирит на долю малую, а он, гляди-ка, развернулся, отъелся, ровно генерал какой... Брюхо – точно генеральское! Только вот zenки почему-то тепер в разные стороны съехали.

Как выяснилось, был Козюкевич рядовым затрапезным вампиром, побирался по притонам бомжей, и, судя по всему, недолго ему оставалось до того, чтобы вообще стать бесплотной тенью. Но, как видно, кому-то очень услужил он, если сейчас в качестве хозяина элитарного клуба предложил Никитичу грибную настойку собственного изготовления.

– «Я имел удовольствие лично и с трепетом собирать этот бесценный продукт вот этими мозолистыми натруженными руками!», – злобно цитировал Никитич неожиданного знакомого. – «И вы можете наглядно наблюдать, какую опасность для жизни я имею, когда пробую своими хрупкими зубами нежность и безвредность каждого продукта!», – память у деда была избирательно отменная. – Еще и клыки свои нам совал – пощупать, кровопивец недоделанный...

Спасло деда то, что чернявая и бровастая физиономия собирателя грибов сразу возбудила скинхедские инстинкты Лехи. И когда в руках Козюкевича неведомо откуда объявилась внушительная посуда с дымящейся ядовито-зеленоватой жидкостью, он заорал на ее владельца: «Ополосни клыки сначала!». Освеженный пивом вопль Лехи был настолько могуч, что заглушил всю стихию веселья, и Козюкевич с перепугу макнул свои желтые клыки, которые он без стеснения являл народу, в зелье.

Эффект был неутешительный для Никитича. Челюсть вампира вначале мелко затряслась, потом отвалилась, из пасти игриво вылетел султанчик дыма, после чего Козюкевич, закатив глаза, пал на затертый пол «Ночных поганок». Впечатленная толпа вокруг радостно возликовала.

К несчастью, неутомимый дед повел себя бесшабашно: успел выхватить у интригана сосуд с напитком, понюхал его и торжествующе объявил, что грибы тут присутствуют. После чего произвел над сосудом какие-то пассы. В результате напиток изменил зеленый цвет на розовый, а затем наполовину исчез в распахнувшейся бороде деда. Видимо, атмосфера всеобщей безответственности оказала тлетворное влияние и на домового.

Дальнейший рассказ Никитича носил подозрительно обрывистый и противоречивый характер, из чего можно было заключить, что дед ликвидировал вредные свойства зелья явно не полностью. Что и подтвердила Весняна:

– Я неладное почуяла с дедом и помчалась по ориентиру к нему. По мышинным ходам. Тебя, Ант, будить не стала, а надо было... Когда их выкидывали на улицу, дед ну совсем окосевший был! Да и Леха не меньше.

– Кого выкидывали? – взвился Никитич. – Это мы их там распушили! Вот ежели бы Мавруша под ногами не путалась, я бы этих поганок по кирпичику раскатал!..

– Если бы не Мавра, ты бы этот кувшин с пойлом допил, и тогда неизвестно, что бы с тобою случилось!

– Или с «Поганками», – сердито буркнул дед, явно чувствуя свою вину. – А кувшин из рук забирать да об пол брякать – это несправедливо. Особенно, когда он не пустой.

До сути конфликта, возникшего между разгулявшейся троицей и ночным заведением, Антон докопался не сразу. Никитич шипел, а его дымчатая борода возмущенно парила в воздухе, прежде чем стало ясно: на одном из этажей заведения тусовалась компания, возглавляемая неким деятелем от шоу-бизнеса, коего окружающие звали Няшкой, а дед тут же переименовал в Бяшку. Пока деятель кокетливо и томно бросался на руки почитателям, Никитич терпел, тем более что Леха популярно объяснил ему, что сей субъект имеет отдаленное отношение к лично им уважаемому старинному шлягеру, трогательно повествующему о миллионе алых роз, а также к серии других не менее уважаемых шлягеров, ныне незаслуженно забытых.

Однако тут в «Ночных поганках» объявилась стайка стеснительных юношей, призванных, как выяснилось, отнюдь не для придания дополнительного колорита заведению, поскольку вышеозначенный Бяшка немзыкально взвыл: «Зайки мои!», после чего, прихватив самого миловидного обладателя подкрашенных век, блудливо удалился с ним в ближайший туалет.

– Это он чего? – не понял поначалу Никитич. – На горшок пацана повел?

– Посмотри – увидишь, – сердито буркнул Леха, наливаясь злобой. – Гад, а еще об алых розах тут распинался... Вставить бы ему эти розы в заднее место! Продюсер хренов. Мало ему львиц светских.

Любопытный дед ничего не понял и, подогретый вампирским напитком, шмыгнул вслед за парочкой, непонятно как миновав телохранителей любителя заек.

Минутой позже девиз «Ночных поганок», повествующий о мире и покое, был окончательно посрамлен.

Прежде всего из туалетных недр раздался совсем немзыкальный визг Бяшки. Затем из зеркальных дверей вылетел пунцовый выюноша. Быстрота его объяснялась пинками Никитича, которыми тот с молниеносным темпом награждал юную особь пониже спины, приговаривая: «Будешь знать, чем угождать».

Оперативность действий разъяренного домашнего явно превосходила скорость мыслительных процессов двух охранных шкафов, отстраненно взиравших на воспитательный процесс выюноши. Лишь когда визг, вырывавшийся из туалета, достиг немислимых высот и стал переходить в ультразвук, шкафы, набычив шеи, оживились и обозначили действия в рамках должностных инструкций. Один из них, выбросив вперед длань, более похожую на бревно, поймал Никитича и подвесил его в воздухе, чем невольно помог воспитуемой особи исчезнуть в восторженно вопящей толпе, узревшей новое зрелище. Другой пытался двинуться в туалет, но заклинился в двери плечами.

– Скины, наших бьют! – немедленно отреагировал уже перешедший середину пивного океана Леха и прицельно метнул недопитую бутылку в верзилу, раздумчиво державшего на весу Никитича.

Прицел, однако, был неверен, и коварный сосуд с треском разлетелся о затылок застрявшего в дверях телохранителя, придав тому некое ускорение. Дверной косяк возмущенно хрустнул и вместе с плечами верзилы пошел навстречу страдальческому визгу.

И вот здесь с воплем боевой ведьмы в дело вступила Мавруша. Из ее кокетливого, с кружавчиками рукава взметнулась та самая знаменитая метла из африканского дерева и обрушилась на бритый лоб шкафа, продолжавшего задумчиво взвешивать на вытянутой руке онемевшего от такой наглости Никитича. Наверное, в дело примешалось еще какое-то заклинание, поскольку от грохота, пронесшегося по залу, вся плотно сбившаяся толпа зрителей синхронно присела. Метла печально разлетелась пополам, а верзила, отпустив Никитича, задумчиво почесал лоб.

–Р-разорю! Р-размаячу! Р-размагничу и замр-ру! – заорал, почуяв под собой землю, Никитич.

Земля, однако, оказалась для него шаткой, и пущенная неверной рукой деда зеленая ветвистая молния хлестко опоясала сиделище охранника вместо того, чтобы наверняка попасть хотя бы в солнечное сплетение. Но и этого хватило.

–У-ау! – взвыл шкаф в унисон туалетному визгу и навис над вредным дедом.

Назревала тривиальная драка, но как раз в этот момент и объявилась Весняна, примчавшаяся по одной ей ведомым туннелям. Первым делом она ошарашила присутствующих болотным туманом, чтобы утишить страсти. А затем, поскольку Леха, Никитич, да и Мавруша находились в не совсем транспортабельном состоянии, домовене пришлось выволочь их на свежий воздух и вызвать обыкновенное такси. Тащить всю эту ораву по мышинным норам было бы делом слишком утомительным – тем более, что вся компания рвалась назад: Леха – к недопитому океану и желанию вставить кому надо веник роз, Мавруша – к погибшей метле, а Никитич – к неутоленному мщению и грибам. Хорошо еще, что наиболее трезвая и не отравленная туманом часть публики помогла Весняне выпроводить буйных посетителей на улицу, не стесняясь на дружеские, но щедрые тумачи.

Последнее, что увидела Весняна в «Ночных поганках» – выползавшего из туалета Бяшку. Его визг уже перешел в тоскливый, безнадежный вой, а позади деятеля шоу-бизнеса торжественно цвел напышнейший куст алых роз с длиннющими шипами. В данном случае желания Никитича и Лехи полностью совпали.

Глава 5

В просторной, сухой и теплой пещере общались две не совсем обычные личности. Собственно, как таковой личностью в обыденном понимании могла считаться только одна: сидевший на каменном валуне, похожем на стул, темноволосый, с кудрями до плеч, длинный и мрачный мужчина в безукоризненном фраке, нервно крутивший в тонких белых пальцах изящную трость. Его собеседником был светящийся белый шар размером с футбольный мяч, который иногда, впрочем, словно потягиваясь, принимал форму овала. Шар висел в воздухе над плоским каменным возвышением и, казалось, всматривался в застывшую на нем лужицу, сиявшую металлическим ртутным блеском.

– И это он? – с сомнением спросил, еще ближе приблизившись к луже, светящийся мяч, причем вопрос прозвучал словно сразу отовсюду, отразившись от стен пещеры.

Мужчина заметно поморщился и, привстав, взгляделся в изображение, вспыхнувшее в ртутном «телевизоре». А затем подтвердил:

– Он. Со всей честной компанией.

– Хм, – с еще большим сомнением произнес шар.

«Телевизор» правдиво показывал, что в некоей комнате, увитой зелеными ветвями, за старинным громоздким столом, в кругу света, падающего из-под зеленого абажура, мирно вкушала пищу некая компания. Возглавлял ее пушистый дед в длинной белой холщовой рубахе, рядом восседала тоненькая рыжеволосая девушка, далее следовал невысокий лысоватый субъект с явно припухшей верхней губой, размахивающий куриной ножкой, а с ним соседствовал большой синеглазый парень в потертых, но чистых джинсах, с круглой простоватой физиономией. Странное дело, но при всей жизнерадостности и умиительности картины компания оставляла впечатление легкой потрепанности.

– Вот этот большой и неуклюжий недоросль – призванный? Избранный? Да в нем Истинной энергии – свечку не зажечь! – сомнение светящегося существа грозило перейти в сарказм. – Митромир, а ты, часом, не ошибся? Эту недоразвитую оглоблю ты собираешься явить магам? Ко всему прочему, как я вижу, с уже отшибленной памятью. Он ничего не помнит о магическом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.